

А рефренное строение стихов, излюбленное Ростаном, отзывается, например, в цветаевском «Плохом оправданье».

Таким образом, поэзия Ростана тоже оставила свой след в раннем творчестве Цветаевой, а именно в связи с темами детства, игры и особой жизнерадостности, преодолевающей тяжелые настроения и модернистские «сны», хотя это влияние и не столь очевидно, как влияние ростановских пьес. Рецепция драматургии Ростана у Цветаевой происходит не только в виде прямых отсылок, но и на уровне тем, мотивов, образов и характеров, сюжетных поворотов — даже там, где имена Ростана и его героев не упоминаются. И во всех случаях эти аллюзии связаны с романтизмом, который понимается Цветаевой в огромной степени по-ростановски. Это и центральная для обоих идея превосходства мечты, воображения, грезы над реальностью, и «разрыв», непременно существующий между душой и телом, и мотив отказа от материальных интересов, и представление об истинной поэзии, и то, что Цветаева назвала «Высоким Ладом», и по-особому понятый «аристократизм» («бесконечное благородство», «любовь к подвигу и чистоте», по характеристикам самой Цветаевой), и, наконец, романтические «атрибуты» и имена, занимающие столь существенное место в творчестве обоих. В общем, значение Ростана в творческой вселенной Цветаевой нуждается в переосмыслении и переоценке — это не просто юношеское увлечение «Орленком», а огромное, всеобъемлющее влияние, сказывавшееся на всем протяжении ее жизни и не ограниченного чисто «литературной» сферой.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-233-239

© *Е. И. Погорельская*

РАССКАЗЫ И. Э. БАБЕЛЯ «МОЙ ПЕРВЫЙ ГОНОРАР» И «СПРАВКА»: К ИСТОРИИ ТЕКСТА

В настоящее время в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН началась подготовка научного собрания сочинений И. Э. Бабеля в пяти томах. Трудности в работе связаны в первую очередь с отсутствием основного архива писателя, изъяттого во время ареста 15 мая 1939 года и до сих пор не найденного. Однако некоторые его рукописи сохранились в фондах редакций и в личных собраниях, в том числе рукописи произведений, не публиковавшихся при жизни автора. Среди них «Мой первый гонорар»¹ (далее — «Гонорар») и «Справка», построенные на одном сюжете — любви героя-повествователя к тифлисской проститутке Вере.

По свидетельству А. Н. Пирожковой, их основой послужила история, произошедшая с П. И. Сторицыным: «О рассказе „Мой первый гонорар“ Бабель сообщил мне, что этот сюжет был ему подсказан еще в Петрограде журналистом П. И. Сторицыным. Рассказ Сторицына заключался в том, что однажды, раздевшись у проститутки и взглянув на себя в зеркало, он увидел, что похож „на вздыбленную розовую свинью“; ему стало противно, и он быстро оделся, сказал женщине, что он — мальчик у армян, и ушел. Спустя какое-то время, сидя в вагоне трамвая, он встретился глазами с этой самой проституткой, стоявшей на остановке. Увидев его, она крикнула: „Привет, сестричка!“»²

Среди исследователей и публикаторов Бабеля нет единого мнения об очередности создания этих рассказов. Как более поздний вариант «Гонорар» рассматривают

¹ У А. С. Новикова-Прибоя есть рассказ под названием «Мой первый гонорар», позднее включенный в пролог романа «Цусима». Впервые он был напечатан в № 12 журнала «30 дней» за 1930 год, и Бабель, активно сотрудничавший с этим изданием, скорее всего, об этом знал.

² Пирожкова А. Н. Я пытаюсь восстановить черты: О Бабеле — и не только о нем. М., 2013. С. 288.

Р. Хэллет,³ Э. Зихер,⁴ И. Н. Сухих,⁵ «Справку» — Е. А. Краснощекова,⁶ В. Е. Ковский,⁷ А. К. Жолковский.⁸ Выдвигаемые аргументы свидетельствуют о достоинствах каждого из текстов: большая информативность и образность «Гонорара» (Хэллет), лаконичность и сжатость «Справки» (Жолковский). Главным сюжетным избытком «Гонорара» Жолковский считает «открывающий его абзац о зависти героя к страстным молодоженам за стеной <...> В „Справке“ этот вуайеристский элемент отсутствует: повествование прямо и без обиняков начинается с „любви к женщине по имени Вера“, которая „была проституткой“».⁹

В пользу версии о том, что «Справка» создана после «Гонорара», свидетельствует характер правки, которая обычно у Бабеля шла по линии сокращения, сжатия текста. Дополнения же могли составлять одно или несколько слов, в крайнем случае фразу.

Помимо яркой экспозиции «Гонорара», в «Справке» отсутствует фрагмент, повествующий о том, что предшествовало первой встрече рассказчика с Верой: «Иметь двадцать лет от роду, жить в Тифлисе и слушать по ночам бури чужого молчания — это беда. Спасаясь от нее, — я кидался опрометью вон из дому, вниз к Куре, там настигали меня банные пары тифлисской весны. Они накидывались с размаху и обессиливали. С переохшим горлом я кружил по горбатым мостовым. Туман весенней духоты загонял меня снова на чердак, в лес почернелых шней, озаренных луной. Мне ничего не оставалось, кроме как искать любви. Конечно, я нашел ее. На беду или на счастье, женщина, выбранная мною, оказалась проституткой. Ее звали Вера. Каждый вечер я крался за ней по Головинскому проспекту, не решаясь заговорить. Денег для нее у меня не было, да и слов — неутомимых этих пошлых и роющих слов любви — тоже не было. Смолodu все силы моего существа были отданы на сочинение повестей, пьес, тысячи историй. Они лежали у меня на сердце, как жабы на камне. Одержимый бесовской гордостью, — я не хотел писать их до времени. Мне казалось пустым занятием — сочинять хуже, чем это делал Лев Толстой. Мои истории предназначались для того, чтобы пережить забвение. Бесстрашная мысль, изнурительная страсть стоят труда, потраченного на них, только тогда, когда они облачены в прекрасные одежды. Как шить эти одежды?..

Человеку, взятому на аркан мыслью, присмирившему под змеиным ее взглядом, трудно изойти пеной незначачих и роющих слов любви. Человек этот стыдится плакать от горя. У него недостает ума, чтобы смеяться от счастья. Мечтатель — я не овладел бессмысленным искусством счастья. Мне пришлось поэтому отдать Вере десять рублей из скудных моих заработков».¹⁰

Взамен в «Справке» дается лаконичная характеристика героини: «В ответ на ваш запрос сообщаю, что литературную работу я начал рано — лет двадцати. Меня влекла к ней природная склонность, поводом послужила любовь к женщине по имени Вера. Она была проституткой, жила в Тифлисе и слыла среди своих подруг деловой женщиной: брала в заклад вещи, покровительствовала начинающим и при случае торговала в компании с персами на восточном базаре».¹¹

Кстати, такая деталь, как торговля на восточном базаре — одно из занятий «деловой женщины» Веры, не могла появиться в «Гонораре», где на восточном базаре торговал мясом хозяин мансарды, которую снимал герой-повествователь.

³ См.: *Hallet R. Isaac Babel. New York, 1972. P. 63.*

⁴ См.: *Sicher E. Style and Structure in the Prose of Isaak Babel'. Columbus, OH, 1986. P. 117–119, 139.*

⁵ См.: *Бабель И. Э. Собр. соч.: В 4 т. / Сост. и прим. И. Н. Сухих. М., 2006. Т. 1. С. 550.*

⁶ См.: *Бабель И. Э. Из неопубликованного и забытого / [Предисловие Е. А. Краснощековой] // Заря Востока (Ташкент). 1967. № 3. С. 108.*

⁷ См.: *Ковский В. Е. Судьба текстов в контексте судьбы // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 77.*

⁸ См.: *Жолковский А. К. Полтора рассказа Бабеля «Гюи де Мопассан» и «Справка/Гонорар»: Структура, смысл, фон. М., 2006. С. 8.*

⁹ Там же.

¹⁰ *Бабель И. Э. Рассказы / Сост., подг. текстов, послесловие, комм. Е. И. Погорельской. СПб., 2014. С. 461–462.*

¹¹ Там же. С. 471.

Ряд менее значительных по объему сокращений автор произвел в середине рассказа. Например, исключены первый диалог героя с Верой и его рассуждения о духанщиках.

Существенные изменения коснулись окончания рассказа. В «Справке» Бабель снял последний абзац, которым завершался «Гонорар»: «Прошло много лет с тех пор. За это время много раз получал я деньги от редакторов, от ученых людей, от людей, торгующих книгами. За победы, которые были поражениями, за поражения, ставшие победами, за жизнь и за смерть они платили ничтожную плату, много ниже той, которую я получил в юности от первой моей читательницы. Но злобы я не испытываю. Я не испытываю ее потому, что знаю, что не умру, прежде чем не вырву из рук любви еще один — и это будет мой последний — золотой».¹² «Справка» заканчивается предшествующей этому пассажи фразой: «Мы уговорились встретиться вечером, и я положил обратно в кошелек два золотых — мой первый гонорар».¹³

Центральный эпизод рассказа — выдуманная история жизни героя до встречи с Верой — оставлен почти без изменений.

«Справка» отличается от «Гонорара» не только объемом, но и формой повествования. В обоих случаях рассказ ведется от первого лица, но в «Гонораре» история просто рассказывается, а в «Справке» выстраивается как некий документ, точнее письмо в редакцию, и в этом плане «Справка» жанрово примыкает к таким рассказам Бабеля, как «Письмо», «Солнце Италии», «Соль», «Измена», «Нефть». К слову, при жизни писателя, в 1937 году, «Справка» была напечатана на английском языке под названием «Ответ на запрос» («A Reply to an Enquiry»¹⁴).

«Гонорар» предполагался к публикации в альманахе «Год XVI». Однако против этого выступил М. Горький. В ноябре 1932 года Л. Л. Авербах писал ему: «Спорный вопрос — „Первый гонорар“ Бабеля. Как Ваше мнение на сей счет? Я, Павленко, Фадеев (мнение остальных еще не знаю) — за печатание».¹⁵ Горький отвечал: «Зная отношение к Бабелю некоторых товарищей — не советую помещать „Гонорар“ в первом альманахе; „Гонорар“ — „вещица на любителя“, а в первом альманахе не должно быть „ни сучка, ни задоринки“».¹⁶

Рассказ был опубликован за рубежом дочерью писателя Н. И. Бабель-Браун в альманахе «Воздушные пути» в 1963 году,¹⁷ «Справка» с небольшими цензурными изъятиями (не названо слово «армянин») увидела свет в 1966 году в сборнике, изданном в Кемерове.¹⁸ В двухтомник 1990 года Пирожкова включила только «Гонорар»,¹⁹ многие массовые издания следуют этому примеру. Вместе с тем в настоящее время существует практика публикации обоих рассказов, причем последовательность их размещения в книге зависит от позиции составителя: «Справка», затем «Гонорар»²⁰ или наоборот.²¹

Какую же из версий — «Гонорар» или «Справку» — надо считать более поздней? На этот вопрос отвечают сохранившиеся архивные источники рассказов.

Автограф «Гонорара» (вместе с автографом рассказа «Кольвужка») Бабель подарил своей приятельнице О. И. Бродской. После ее смерти эти две рукописи находились у ее сына, Г. В. Бродского, скончавшегося в 2001 году. Дальнейшая судьба автографов неизвестна. Единственный прижизненный источник «Гонорара», имеющийся сегодня в нашем распоряжении, — машинопись с редакторскими пометами из фонда альманаха «Годы XVI–XXI». Под текстом проставлена дата: «1922–1928».²² Эта же дата имелась в автографе, с которого рассказ печатался в посмертных изданиях, так как на нее

¹² Там же. С. 468.

¹³ Там же. С. 468, 474.

¹⁴ *Babel I. A Reply to an Enquiry // International Literature. 1937. № 9. P. 86–88.*

¹⁵ *Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2019. Т. 21. Декабрь 1931 — февраль 1933. С. 689.*

¹⁶ Там же. С. 232.

¹⁷ *Воздушные пути: Альманах. Нью-Йорк, 1963. [Вып.] 3. С. 35–44.*

¹⁸ *Бабель И. Э. Избранное. Кемерово, 1966. С. 320–323.*

¹⁹ *Бабель И. Э. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 245–253.*

²⁰ *Бабель И. Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 209–224.*

²¹ *Бабель И. Э. Рассказы. С. 461–474.*

²² РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. № 42. Л. 1–12.

указывают комментаторы. В фонде альманаха хранится и машинопись «Справки» с незначительной авторской правкой.²³

В 2021 году на одном из московских аукционов всплыл беловой автограф «Справки», выполненный черными чернилами на восьми листах ученической тетради.²⁴ О его происхождении ничего не известно. Однако нельзя исключить, что именно об этой тетради говорится в воспоминаниях Л. Я. Борового, слушавшего авторское чтение рассказа в доме их общего знакомого: «Это был рассказ „Справка“, который до того назывался „Мой первый гонорар“. Когда он (Бабель. — Е. П.) кончил читать, мы помолчали немного <...>».

Наконец Владимир Александрович первым опомнился, чмокнул губами и потянул руку к тетрадке с рассказом.

— Не пойдет. Ведь сам понимаешь! Но для аванса годится. Все-таки оправдательный документ.

Бабель отвел его руку и, к моему изумлению, протянул тетрадку мне <...>.

Так я получил от Бабеля написанный его рукой один из вариантов (и, кажется, лучший) его рассказа „Мой первый гонорар“.²⁵

Машинопись «Справки» из альманаха «Год XVI» и беловой автограф имеют незначительные различия. Оба документа не датированы.

В личном архиве Т. Н. Тэсс сохранилась оставшаяся до сих пор вне поля зрения исследователей авторизованная машинопись рассказа «Справка» под названием «Мой первый гонорар», которая вводится настоящей публикацией в научный оборот (см. Приложение). Старое название нового варианта говорит о промежуточном характере этой машинописи. Под текстом стоит авторская дата: «1930 г.». Как указано выше, «Гонорар» датирован автором 1922–1928 годами.²⁶

Таким образом, исходя из авторских датировок, можно утверждать, что «Справка» была создана позднее «Гонорара», послужившего для нее основой. Однако вопрос о том, является ли «Гонорар» ранней редакцией «Справки», или Бабель рассматривал эти рассказы как два самостоятельных произведения, из-за отсутствия прижизненных публикаций и, следовательно, из-за невозможности определить авторскую волю остается открытым. Поэтому в научном Собрании сочинений писателя эти рассказы предполагается поместить во втором томе в раздел «Неопубликованное. Неоконченное» в хронологической последовательности.

Рассказ «Справка» (с заглавием «Мой первый гонорар») публикуется по хранящейся в фонде Т. Н. Тэсс в РГАЛИ машинописи с незначительной авторской правкой (Ф. 3108. Оп. 1. № 126. Л. 1–4). Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. В примечания вынесены варианты, содержащиеся в беловом автографе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. Э. Бабель

МОЙ ПЕРВЫЙ ГОНОРАР

Уважаемый товарищ!¹ В ответ на ваш запрос сообщаю, что литературную работу я начал рано — лет двадцати. Меня влекла к ней природная склонность, поводом по-

²³ Там же. Л. 13–17. Еще три рассказа («Нефть», «Улица Данте» и «Фроим Грач») были переданы Бабелем Горькому для следующего выпуска альманаха «Год XVII» перед отъездом последнего из Италии в мае 1933 года.

²⁴ В настоящее время находится в частном собрании (Москва).

²⁵ Боровой Л. Я. Подарок // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 202.

²⁶ Обе авторские даты вряд ли могут считаться достоверными, нам важно подчеркнуть, что Бабель сам указал на более позднее происхождение краткого варианта рассказа.

служила любовь к женщине по имени Вера. Она была проституткой, жила в Тифлисе и среди своих подруг слыла деловым человеком. Она поучала молоденьких, брала в заклад вещи и торговала при случае² в компании с персами на Восточном базаре. Каждый вечер выходила она на Головинский³ и, рослая, белолицая, плыла впереди толпы, как плывет богородица на носу рыбацкого баркаса. Я крался за нею безмолвно, копил деньги и, собрав 20 рублей, решился наконец. Вера спросила с меня 10 рублей. Я согласился. Она взяла меня под руку, прижалась плечом и забыла обо мне.⁴ В харчевне, где мы ели люля-кебаб, разгоревшись от волнения, Вера⁵ убеждала кабатчика расширить торговлю и переехать на Михайловский проспект; из харчевни мы отправились к сапожнику, чтобы взять у него из починки башмаки, потом она оставила меня на улице одного и пошла к подруге, жене чиновника, у которого были крестины в тот день.⁶ Было 12 часов ночи, когда мы пришли в гостиницу, но и там у нее нашлись нескончаемые дела.⁷ Какая-то старушка снаряжалась в путь, к сыну в Армавир. Вера тискала коленями ее чемоданы, увязывала ремнями подушки, заворачивала пирожки в масляную бумагу. Старушка⁸ с рыжей сумкой на боку и в газовой шляпенке ходила по номерам прощаться. Она шаркала по коридору резиновыми ботинками, всхлипывала и улыбалась всеми морщинами. Час ушел на проводы.⁹ Я ждал Веру в ее номере, заставленном трехногими креслами, с глиняной печью и сырыми углями в разводах. Передо мной в пузырьке, наполненном¹⁰ молочной жидкостью, умирали мухи, каждая умирала по-своему. Чужая жизнь шаркала в коридоре и раздражалась хохотом. Вера вошла и прикрыла за собой дверь.¹¹

— Сейчас сделаемся, — сказала она.¹²

Приготовления ее были похожи на приготовления доктора к операции. Она зажгла керосинку, поставила на нее кастрюлю с водой, потом перелила согревшуюся воду в кружку, от которой отходила белая кишка. Она бросила кристалл в кружку и стала стягивать с себя платье...

— Проводили Федосью Маврикиевну, — сказала Вера, — поверишь, она нам как родная была... Старушка едет,¹³ ни попутчика, никого...

Вера легла и потянула меня к себе. Большая женщина с опавшими плечами лежала передо мной. Расплывшиеся соски слепо уставились на меня. Я не двинулся с места.

— Что сидишь невесел, — сказала Вера, — или денег жалко?..¹⁴

— Моих денег не жалко...

— Почему так — не жалко... Или ты вор?..

— Я не вор, я мальчик...

— Вижу, что не корова, — пробормотала Вера и зевнула. — Глаза ее слипались, она снова потянула меня к себе.¹⁵

— Мальчик, повторил я, — мальчик у армян... — И похолодел от внезапности моей выдумки. Отступить было невозможно, тогда я рассказал¹⁶ случайной моей спутнице историю мальчика у армян.

— Мы жили в местечке Алешки Херсонской губернии, — придумал я для начала, — отец мой работал чертежником, делал все для того, чтобы дать нам, детям, образование, но мы пошли в мать, лакомку и хохотунью. С 10 лет¹⁷ стал я воровать у отца деньги, подросши, убежал в Баку, к родственникам матери. Они познакомили меня с армянином Степан Иванычем,¹⁸ я сошелся с ним, и мы прожили вместе четыре года...

— Да тебе лет-то сколько было тогда?..

— Пятнадцать...

Вера ждала злодейства¹⁹ от армянина, развратившего меня. Тогда я сказал: мы прожили четыре года. Степан Иваныч оказался²⁰ доверчивым человеком, всем приятелям верил за²¹ слово. Мне бы изучить ремесло за эти четыре года, но у меня было другое на уме — миллиард...²² Приятели разорили Степан Иваныча. Он выдал им бронзовые векселя, приятели предъявили их ко взысканию...²³

Сам не помню, как взбредли мне на ум бронзовые векселя, но я сделал правильно, упомянув о них. Вера поверила всему, услышав о векселях.²⁴ Она закуталась в шаль, красный платок заколебался на ее плечах.

— Степан Иванович разорился. Его выгнали из квартиры, мебель продали с торгов. Он поступил приказчиком на выезд, я не стал жить с ним, с нищим, и перешел к богатому старику, церковному старосте...

Церковный староста — это было украдено у какого-то писателя, выдумка ленивого сердца, тогда, чтобы поправиться, я вдвинул астму в желтую грудь старика, припадки астмы, сильный свист удушья... Старик вскакивал по ночам и дышал со стоном в бакинскую керосиновую ночь. Он скоро умер. Родственники прогнали меня. И вот я в Тифлисе с 20 рублями в кармане. Номерной гостиницы, в которой я остановился, обещал мне богатых гостей, но пока он приводит духанщиков...²⁵ И я стал молоть о духанщиках, о грубости их и корыстолюбии вздор, слышанный мною когда-то... Жалость к себе разрывала мое сердце, гибель казалась близкой. Я замолчал и отвернулся. История моя была кончена. Керосинка давно потухла.²⁶ Вода закипела и остыла. Женщина неслышно подошла к окну.²⁷ Передо мной двигалась ее спина, мясистая и печальная.

— Чего делают, — прошептала она, — боже, чего делают...²⁸

Она протянула голые руки и развела створки окна.²⁹ В квадрате его³⁰ уходил каменный подъем, кривая турецкая улочка. Остывающие камни повистывали на улице. Запах воды и пыли шел от мостовой...

— Значит стерва, наша сестра — стерва?..

Вера обернулась ко мне. Рубаха косым клочком лежала на ней.

— Ну, а баб ты знаешь?

Я понурился.³¹

— Откуда мне их знать, кто меня допустит...

— Чего делают, — повторила Вера, — боже, чего делают...

Теперь мне хочется спросить вас, видели ли вы, товарищ, как рубит³² деревенский плотник избу для своего собрата плотника, как споро, сильно и счастливо летят стружки, прочь от обтесываемого бревна...

В ту ночь тридцатилетняя женщина обучила меня немудрой своей науке. Я испытал в ту ночь любовь, полную терпения и труда, я услышал³³ слова женщины, обращенные к женщине.

Мы заснули на рассвете. Нас разбудил жар наших тел. Мы пили чай на майдане, на базаре старого города. Мирный турок налил нам из завернутого в полотенце самовара чай багровый, как кирпич, дымящийся, как только что пролитая кровь. Караван пыли летел на Тифлис — город роз и бараньего сала. Пыль заносила малиновый костер солнца. Тягучий крик ослов смешивался с ударами котельщиков. Турок подливал нам чаю и на счетах отсчитывал баранки. Когда испарина бисером обложила меня, я поставил стакан доньшком вверх и, расплачиваясь с турком, подвинул к Вере две золотые пятирублевки. Полная ее нога лежала на моей ноге. Она отодвинула деньги.

— Расплеваться хочешь?

Нет, я не хотел расплеваться. Мы уговорились встретиться вечером, и я положил обратно в кошелек два золотых — мой первый гонорар.

1930 г.

¹ *Уважаемый товарищ!*: Этой фразы нет.

² *среди своих подруг <...> при случае*: слыла среди своих подруг деловой женщиной: брала в заклад вещи, покровительствовала начинающим и при случае торговала (л. 1).

³ *Головинский*: Головинский проспект (л. 1).

⁴ *и, собрав <...> плечом*: и, наконец, решился. Вера запросила десять рублей, прижалась ко мне мягким, большим плечом (л. 1).

⁵ *Вера*: она (л. 1).

⁶ *к сапожнику <...> были крестины*: к сапожнику за туфлями, потом, оставив меня одного, Вера пошла к подруге, у которой были крестины (л. 2).

⁷ *Было <...> дела*: В двенадцатом часу ночи пришли мы в гостиницу, но и там нашлись дела (л. 2).

⁸ *чемоданы, <...> сумкой*: чемоданы, заворачивала в масляную бумагу пирожки. Старуха с рыжей сумкой (л. 2).

⁹ *Час ушел на проходы*: Этой фразы нет.

- ¹⁰ *Передо мной <...> наполненным*: В пузырьке, наполненном (л. 2).
- ¹¹ *по-своему. <...> дверь*: по-своему; чужая жизнь шаркала и раздражалась хохотом в коридоре. Прошла вечность, прежде чем явилась Вера (л. 2).
- ¹² *сказала она*: сказала она и прикрыла за собой дверь (л. 2).
- ¹³ *Старушка едет*: Старушка одна едет (л. 3).
- ¹⁴ *Вера легла <...> денег жалко*: В постели, слепо уставившись в меня расплывшимися сосками, лежала большая женщина с опавшими плечами. / — Что сидишь невесел, — спросила Вера и потянула меня к себе, — или денег жалко (л. 3).
- ¹⁵ *Вижу, <...> меня к себе*: Вижу, что не корова, — зевнув, сказала Вера. Глаза ее слипались (л. 3).
- ¹⁶ *Отступить <...> рассказал*: Отступить было некуда, и я рассказал (л. 3–4).
- ¹⁷ *Мы жили <...> С 10 лет*: Мы жили в Аleshках Херсонской губернии, — придумано было для начала, — отец работал чертежником, пытался дать нам, детям, образование, но мы пошли в мать, картежницу и лакомку. Десяти лет (л. 4).
- ¹⁸ *Иванычем*: Ивановичем (л. 4).
- ¹⁹ *злодейства*: злодейств (л. 4).
- ²⁰ *мы прожили <...> оказался*: мы прожили с ним четыре года. Степан Иванович оказался (л. 4).
- ²¹ *за*: на (л. 4).
- ²² *Мне бы <...> биллиард*: Мне бы ремесло изучить за эти годы, но у меня на уме одно было — биллиард (л. 4).
- ²³ *бронзовые <...> взысканию*: бронзовые векселя, векселя предъявили ко взысканию (л. 4–5).
- ²⁴ *Сам <...> услышав*: Как взбредли мне на ум бронзовые векселя — кто знает? — но я сделал правильно, упомянув о них. Женщина всему поверила, услышав (л. 5).
- ²⁵ *гостиницы, <...> духанщиков*: гостиницы, где я остановился, обещал богатых гостей, но пока он приводит одних духанщиков (л. 5–6).
- ²⁶ *керосинка давно потухла*: керосинка потухла (л. 6).
- ²⁷ *подошла к окну*: прошла по комнате (л. 6).
- ²⁸ *она, <...> делают*: она и развела створки окна, — боже чего делают (л. 6).
- ²⁹ *Она протянула голые руки и развела створки окна*: Этой фразы нет.
- ³⁰ *его*: окна (л. 6).
- ³¹ *Значит, стерва <...> Я понурился*: Этого отрывка нет.
- ³² *делают, <...> рубит*: делают, — сказала Вера — боже, чего делают... / Я прерву здесь рассказ, для того чтобы спросить вас, товарищ (л. 6–7).
- ³³ *полную терпения и труда, я услышал*: полную терпения и услышал (л. 7).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-239-250

© А. А. Кобринский

«ДОРОГОЙ НИКАНДР АНДРЕЕВИЧ...»: К БИОГРАФИИ Н. А. ТЮВЕЛЕВА

В работах, посвященных истории и поэтике русского авангарда, давно общим местом стали попытки выявить линии русской и мировой литературной традиции, которые развивал и продолжал Д. Хармс, а также степень его влияния на последующую русскую литературу, разумеется, периода 1960-х годов и далее, исключением можно назвать только несколько работ, в которых ставится вопрос об ориентации на творчество Хармса его современника Геннадия Гора.¹ Считалось, что практически полное отсутствие напечатанных при его жизни текстов (за исключением детских произведений)

¹ См., например: *Муждаба А. 1) «Вмешательство живописи» Геннадия Гора: карикатура или автопортрет? // Восьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. СПб.; Kaukolempiälä (Цвелодубово), 2012. С. 255–265; 2) Поэзия Геннадия Гора // Геннадий Гор. Стихотворения 1942–1944. М., 2012. С. 11–22; Ласкин А. Квадратура Гора // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 38. С. 253–268.*